

АНАТОЛИЙ ХАРИТОНОВИЧ ПШЕНИЧНЮК: СТИЛЬ ЕГО РАБОТЫ

Рис. 1. VII Уральское археологическое совещание. Ижевск, 1980 г. Банкет. Слева направо: Матвеева Галина Ивановна, Генинг Владимир Федорович, Голдина Римма Дмитриевна, Пшеничнюк Анатолий Харитонович, Гусенцова Татьяна Михайловна, Халиков Альфред Хасанович

Наука – это творчество, мысль банальная, но непреложная. Всякое же творчество – индивидуально. Человека можно научить подбирать рифмы к словам, грамотно писать, подбирать колера и в надлежащем порядке выкладывать их на холст, корректно ставить опыты и получать правильные результаты. Всему этому научить можно, ибо все это – техника. Научить творить невозможно. Способность к творчеству человеку либо дает Бог, либо он развивает её в себе неустанной работой души, ума и рук. Ну а у каждого творца есть свой индивидуальный творческий стиль.

Так вот, Анатолий Харитонович... Я не только знал его близко, но мы с ним дружили сорок лет. Причем, познакомились мы с ним в то время, когда я только делал свои первые шаги в археологии, а ушел он от нас, когда я уже и состоялся, как ученый, и своих учеников уже имел. То есть, большая часть моей научной жизни прошла в тесном контакте с Анатолием Харитоновичем и под его влиянием.

А. Х. Пшеничнюк принадлежал к той плеяде советских археологов-позитивистов, которые, сами над этим не особенно задумываясь, закрепляли и преумножали лучшие методические и методологические принципы и традиции отечественной археологии. Сам Анатолий Харитонович себя ни к какой научной археологической школе (в общепринятом понимании этого термина) не относил и никого особо в качестве своего учителя или учителей из археологов старшего поколения не выделял. Кроме К. В. Сальникова, под руководством которого в 1968 г. он защитил свою кандидатскую диссертацию «Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры

(Кара-абызская культура)», и который, по словам Анатолия Харитоновича, научил его «азам» полевой археологии.

Кто помог Анатолию Харитоновичу выработать свой стиль научной работы (да и вообще, помогал ли кто ему в этом), я не знаю. У нас с ним об этом речи как-то не шло. Его я узнал уже как сложившегося исследователя, с именем и большим научным заделом, но зато я имел возможность наблюдать, как он работает. Обстоятельства сложились так, что в первые годы моей работы в ИИЯЛ БФ АН СССР сектор археологии размещался в двух комнатах – большой угловой на пятом этаже и примыкающем к ней кабинетом заведующего сектором, которым тогда был Н. А. Мажитов. Понятно что мы, сотрудники сектора, работали в большой комнате за соседними столами. Времена были патриархальные (1976-1977 гг.) – курить можно было на рабочем месте (!) и Анатолий Харитонович тогда ещё тоже курил. Но! Среди нас – А. Х. Пшеничнюк, Б. Б. Агеев, розов и автор этих строк – один, Ю. А. Морозов не курил. Поэтому он постоянно выгонял нас курить в коридор. А там к нам присоединялся ещё один заядлый курильщик, замечательный этнограф Наиль Валеевич Бикбулатов и там спонтанно возникали блиц-мини-конференции, на которых обязательно обсуждались какие-нибудь археологические или археолого-этнографические проблемы. Но сейчас не об этом...

В те патриархальные времена обязательно явочными днями были вторник и пятница. Однако Анатолий Харитонович ходил в Институт каждый день и аккуратно с 9 до 18 часов ра-

ботал на своем месте. И именно – работал. И я, приглядываясь к нему, в общем-то, незаметно для себя начал воспринимать его стиль и метод работы. В чем она состояла? Во-первых, чтение археологической литературы и знакомство со всеми её новинками. Дело в том, что тогда в Научной библиотеке БФ АН СССР существовал специальный информационный отдел, сотрудники которого еженедельно готовили для научных сотрудников информацию обо всех публикациях, вышедших по той или иной науке в течение недели. Её сортировали по научным направлениям, делали распечатки и разносили по секторам и лабораториям институтов. Анатолий Харитонович едва ли не самым первым эту информацию изучал (он на работу приходил раньше всех нас, поскольку жил неподалеку от Института) и, выбрав интересное для себя, тут же шел в библиотеку за книгами. Библиографические списки были обширными, но специальными шифрами отмечались публикации, уже поступившие в библиотеку. И я часто видел и запомнил его, в том числе, и идущим по коридору Института со стопкой книг и журналов в руках. Публикации он просматривал очень внимательно и в специальной тетради (была у него такая) делал необходимые выписки (это позже уже, когда начала появляться множительная техника, он начал делать специальные закладки и отдавал их лаборанту для ксерокопирования). В общем – стопка книг и журналов на рабочем столе – типичная для А. Х. Пшеничнюка рабочая обстановка.

Глядя на него, и я втянулся в обязательное изучение публикационных новинок, и продолжаю заниматься этим и по сей день. И меня подчас не то что удивляет, а возмущает, когда мои статусные коллеги – кандидаты и доктора – ничтоже не смущаясь заявляют, что, нет, этой работы (по теме их исследований) они не читали и не знают. Ну, так и что, сейчас много чего пишут и публикуют.

Анатолий Харитонович по жизни был прагматик. Очевидно, поэтому он довольно рано отказался от собирания собственной научной библиотеки, мотивируя это тем, что вся нужная ему литература есть или поступает в библиотеку БФ АН СССР, поэтому загромождать квартиру книгами не имеет смысла. Тогда мне это казалось странным, но сейчас вижу в этом некое провидение: вот куда при полной нынешней компьютеризации библиографии денется моя, отнюдь не маленькая библиотека, когда настанет и мой час?

Ещё один момент стиля работы А. Х. Пшеничнюка – всю камеральную работу с материалом, начиная от описания полученных артефактов и кончая написанием текста научного отчета о раскопках, он проводил исключительно сам. Уже будучи заведующим сектора (потом отдела)

археологии ИИЯЛ у него в кабинете напротив его письменного стола стоял специальный стол, на котором постоянно находились лотки с находками. И я могу засвидетельствовать, что ни одна из сделанных им находок не прошла мимо его рук и глаз. А представить, чтобы он кому-то из сотрудников или лаборантов поручил разбор и описание коллекции или составление текста отчета о раскопках – немыслимо вообще. И начинал он это делать ещё в поле, мотивируя тем, что описывать материал должен тот, кто отвечает за раскопки памятника, т.е. держатель открытого листа. Вот очевидная, казалось бы, вещь, но, сколько примеров обратных видим мы сегодня!

В своем научном кредо Анатолий Харитонович был эмпирик – позитивист. То есть, главное в его научном творчестве было идти от материала, т.е. – источника. Помню его афоризм, неоднократно повторяемый мне (и не только мне), когда я уже «оперился» и начал все более склоняться к аналитике: «Володя, все наши выводы и идеи, рано или поздно, устареют, а материал – он вечен». Поэтому, как это можно легко заметить, во всех публикациях А. Х. Пшеничнюка описательная часть (в научном источниковедении – критика источника) играет доминирующую роль. А источник (археологический материал) он, конечно, знал досконально. И отношение к источнику у него было свое, можно даже сказать – прагматичное. Так, он весьма скептически относился ко всякого рода формальным типологиям, мотивируя это тем, что он не понимает смысла выделения типов, подтипов, вариантов и т.д. Анатолий Харитонович считал, что тип – это то, что визуально отличает ту или иную вещь от других ей подобных. А всяческие «подтипы» и «варианты» – это все наукообразие, над которым он всегда иронизировал. На наши с Б. Б. Агеевым возражения, что вот же, на этой вещи есть такая-то деталь, а на другой, подобной её нет (мы-то с Байтемиром как раз очень увлекались типологиями) Анатолий Харитонович отвечал таким резонансом: «А почему вы не допускаете, что это просто техническая ошибка неопытного мастера или, наоборот, его находка («ноу хау» – по-современному)»? И всегда заканчивал характерным обращением: «а, Володь?».

Ни учителем, ни педагогом от археологии Анатолий Харитонович не был, и не стремился быть. Вся его «педагогика» и наставничество заключались в том, что он очень внимательно и придирчиво читал все наши работы, когда они готовились к публикации. И всегда самым скрупулезным образом их разбирал и критиковал. А поскольку, как я уже отметил, он великолепно разбирался в археологическом материале (и не только в том, которым непосредственно занимался сам), то парировать его критические

Рис. 2. Разведка в Башкирском Зауралье.
Май 1981 г.

замечания зачастую было непросто. Хотя свои замечания Анатолий Харитонович обычно завершал рефреном: «нет, ты, конечно, можешь публиковать и так, как считаешь сам, но твоя публикация – это твое лицо как ученого». Однако нередко были и случаи, когда он и возражал категорически против публикации недостаточно добротной статьи или монографии.

Весьма специфической, особенно по сравнению с настоящим временем, была «полевая педагогика» А. Х. Пшеничнюка. В его экспедициях никогда нельзя было встретить сонмища лаборантов, помощников, заместителей, начальников раскопа, разных «специалистов» и «особ, приближенных к императору», приехавших в экспедицию развеяться и отдохнуть и живущих по какому-то своему распорядку, (вот уж чего я насмотрелся в экспедициях некоторых своих коллег). Все всегда были при деле и все жили по раз установленному начальником экспедиции распорядку. Недовольные или разочарованные долго в полевом лагере А. Х. Пшеничнюка не заживались. Я и сам однажды, году, кажется, в 1987, закончив раскопки своего памятника, с остатками своего отряда завернул на Филипповские курганы к Анатолию Харитоновичу, перевести дух и отдохнуть. Ничего, первый вечер мы действительно отметили нечаянную нашу встречу, а на следующий же день получили задание доснять насыпь одного из небольших курганов. Поработав полный рабочий день, мы поблагодарили Харитоныча за гостеприимство и укатили дальше в Уфу.

Впрочем, ни трудоголиком, ни фанатиком археологии Анатолий Харитонович никогда не был. Наукой он занимался полный рабочий день, но – не более того. Отдыхал аккуратно и, я сказал бы, методично. Час обеденного перерыва – это собственно столовая, а затем обязательный настольный теннис (в Институте говорили «пинг-понг»). Играл он мастерски, сильно и резко и постоянно выигрывал. Постоянно участвовал в межинститутских соревнованиях БФ АН СССР

и получал соответствующие призы. Завершался его рабочий день обязательной игрой в шахматы или шашки. Постоянными партнерами Анатолия Харитоновича были этнографы Наиль Валеевич Бикбулатов и Мирза Гизитдинович Муллагулов.

Зимние выходные дни и каникулы – обязательные лыжи. При встречах после выходных дней он постоянно и с удовольствием рассказывал мне, где и на каких лыжнях он бегал. Лыжник был классный (по-моему, у него даже спортивный разряд по лыжам был). Впрочем, эта сторона натуры Анатолия Харитоновича меня как-то не особенно в нем привлекала (сам я человек не спортивный). Но вот как он в 1993 году, во время своего приезда к нам на раскопки Ахметовских курганов в Чекмагушевском районе, одного за другим через бедро укладывал на землю наших молодых экспедиционщиков – помню отлично. А было ему тогда 57 лет.

А завершить эту свою заметку я хочу вот чем: в 1959 году в археологию волею Божьей пришел крепкий, цельный, мудрый и самодостаточный мужик. Он (по Станиславскому) не себя в археологии возлюбил, а археологию в себе. И стал археологом (так считаю я) археологом на века – примером для подражания всем грядущим следом.

Закончить я хочу фрагментом одного из интервью Анатолия Харитоновича, в котором, как мне кажется, лучше всего выражено его отношение к науке, которой он отдал всю свою жизнь: «Есть расхожее мнение: не зная прошлого, мы не будем знать настоящего и будущего. Но есть еще и другое: ведут человека любопытство, желание что-то узнать. А у меня ... свой взгляд на историю развития человечества: мне кажется, было оно толковым и умным давным-давно, с незапамятных времен».

*В.А. Иванов, д.и.н. проф. кафедры
Отечественной истории
БГПУ им. М. Акмуллы*